

— Стемнело уже. Ты наелся? Может, подогреть ещё раз? — Шлиффен коснулся пальцами пластикового тюбика. — Плохо себя чувствуешь? Ты сегодня как-то совсем медленно её цедишь.

— Не нужно, ты её уже трижды грел, — Эрвин нахмурился, попытался пить быстрее, но выходило из рук вон плохо.

— Если не лезет, отложи. Отдохни немного.

— Нельзя. Медицинский монитор требует, чтобы я принял ровно пятьсот кубических сантиметров питательной смеси.

— Ну-ка, дай погляжу. — Шлиффену весь день казалось, что с профессором что-то не так. — У тебя часом не жар?

— Вовсе нет, просто душно, — Эрвин попытался уйти от темы. — Да и зуб ноет. Немного разболелся, только и всего.

— Тогда открой рот.

— Что?

— Рот открой, говорю же. — Шлиффен выудил из кармана форменной куртки маленький фонарик.

— А... ладно, — Эрвин не нашёлся что возразить. — Только дай мне сначала воды. Я... хочу прополоскать рот.

— Скажи «а-а».

—... — Эрвин послушно приоткрыл рот и уставился в потолок, сгорая от неловкости.

— Дёсны припухли и покраснели. Коренной зуб беспокоит, да?

— Угу, — промычал Эрвин. На самом деле ломило всё тело, но в челюсти боль была действительно острее всего.

Шлиффен щёлкнул кнопкой фонарика:

— Зуб мудрости режется и упирается в десну. Давай я помогу тебе.

— Но здесь нет медицинского автомата.

— Знаю. Потому я и сказал: *я* помогу. — Не дожидаясь, пока заартачится антикварный робот, Шлиффен покатил инвалидное кресло вперёд.

Эрвин с явным сомнением покосился на этого новоявленного лекаря.

— Господин Шлиффен, куда это вы его везёте?

— В подвал, рухлядь, — бросил Шлиффен, стремительно нажимая кнопку вызова лифта.

— Эй! Господин Герман, остановите его! Он же разобрал по винтику восьмиметрового меха! — крикнул Оуэн вслед закрывающимся дверям лифта.

— А у этой железки есть чувство юмора, — хмыкнул Шлиффен.

Лифт миновал два верхних броневых яруса, и перед ними раскинулся просторный подвал. Эрвин вытянул шею, вглядываясь в глубь помещения:

—... Пожалуй, это был вовсе не юмор.

— Сам не понимаю, откуда в этом двигателе столько деталей! — запричитал Шлиффен. — Я ведь только хотел заменить пару изношенных узлов. А как начал крутить — и всё, не смог остановиться.

Стоило им выйти из лифта, как Эрвин увидел раскиданные по полу запчасти: они тянулись россыпью от самого меха до порогов лифтовой шахты.

— Ты... надеюсь, со мной не собираешься сотворить нечто подобное?

— Остроумно, ничего не скажешь, — буркнул Шлиффен. Выкатив кресло из лифта, он напрямик направился к ящику с инструментами и принялся там увлечённо рыться.

Эрвина охватило нехорошее предчувствие. С какой стати для осмотра зубов лезть в слесарный ящик? И вообще... Погодите. Он что, взял... гаечный ключ?!

— Ты ведь не собираешься выдрать мне зуб вручную?! — Если бы Эрвин мог пошевелить руками, он бы сейчас мёртвой хваткой вцепился себе в рот.

— Чего? — Шлиффен опустил взгляд на зажатый в руке инструмент и прыснул со смеху. — Помилуй, Эрвин, я всего лишь хочу смастерить насадку на палец, чтобы слегка обточить тебе

острый край зуба.

Похоже, с мехом было окончательно покончено. С той же лёгкостью, с какой Шлиффен когда-то забросил механическую кошку, сломавшуюся на второй день, он без тени сожаления пустил на лом очередную деталь обшивки. Возможно, сказывалось недавнее погружение в детскую энциклопедию механики — теперь его пальцы двигались куда увереннее и точнее. Спустя десять минут он соорудил аккуратный металлический колпачок с шероховатым напылением на конце и примерил его на указательный палец.

— Нельзя ли сделать свет поярче? — спросил он у Оуэна.

Оуэн вопросительно повернул окуляры к Эрвину, и тот едва заметно кивнул в знак согласия.

Вместо того чтобы вспыхнуть ярче, прожекторы под потолком принялись один за другим угасать. Рабочие дроиды, сновавшие по коридорам и платформам, поспешно укрылись в нишах. Винтовой лифт убрал ограждения и плавно втянулся в пазы. Секунду назад загромождённый машинами ангар превратился в абсолютно гладкую изнутри капсулу, похожую на гигантское яйцо. Едва трансформация завершилась, на изогнутых стенах заструилась голографическая проекция. Границы осязаемого мира стёрлись: унылый пейзаж безжизненной планеты уступил место залитому тёплым солнцем пасторальному раздолью.

— Оуэн обмолвился, что ты сейчас читаешь Джейн Остин. Подумал, тебе понравится это место. Теперь достаточно светло? — тихо спросил Эрвин.

— Более чем. Поразительно... — Шлиффен огляделся по сторонам. — Твоя лаборатория напоминает мне ярмарочный павильон чудес.

— Зато ты совсем не похож на профессионального врача, — Эрвин выразительно повёл глазами в сторону его пальца с металлической насадкой.

— Поверь мне, эта копеечная штукавина творит чудеса. — Шлиффен опустил палец с самодельной коронкой в дезинфицирующий раствор, который уже услужливо поднёс Оуэн. — Ах да, чуть не забыл. — Он выудил из кармана ампулу с успокоительным и привычным движением всадил себе дозу. — Ну что, готов? Я — вполне.

— Готов, — постарался как можно равнодушнее отозваться Эрвин.

— Открывай, — ладонь Шлиффена мягко легла на его щеку. — И не дёргайся. Сам ведь выбрал такие декорации, я теперь чувствую себя средневековым коновалом, который вот-де сейчас пустит тебе кровь.

— Кхм... — Эрвин сглотнул, подавляя внезапный першащий кашель, и послушно разомкнул губы: — А-а...

Их лица впервые оказались так близко. Настолько, что Эрвин физически не мог отвести взгляд. Шлиффен был прав: в моменты неловкости спасают только пустые разговоры, но сейчас Эрвин был лишён этой возможности. Ему оставалось лишь смотреть в синеву чужих глаз. Но этот взгляд не приносил покоя — напротив, от него кружилась голова, а сердце ухало куда-то вниз.

Шлиффен, похоже, тоже нервничал. Он аккуратно ввёл палец в приоткрытый рот Эрвина, стараясь держаться чуть поодаль:

— Я немного сглажу край, чтобы он не царапал десну. Будет больно — сразу дай знать.

От его пальца исходило живое тепло. Влага и мягкость чужого рта обволакивали металл; в этой вынужденной близости, в этом послушании сквозило что-то интимное, почти чувственное.

Сделав несколько осторожных шлифующих движений, Шлиффен убрал руку.

— Прости... Я тебя не прикусил? — Эрвину показалось, что его челюсти непроизвольно сомкнулись чуть сильнее.

— Н-нет, что ты, — пальцы Шлиффена всё ещё мягко сжимали его лицо, а голос заметно дрогнул. — Ну как... полегчало?

— Спасибо... Намного лучше... — Эрвин тоже заговорил с запинкой.

Теперь его собственная затея с пасторальной голограммой казалась верхом глупости: в этом мягком, золотистом сиянии он слишком отчётливо разглядел в глубине зрачков Шлиффена то, чего там раньше никогда не было. Но куда невыносимее было осознавать, что его собственный взгляд наверняка выдаёт точно такое же смутение.

«Я...»

Если бы его тело не было парализовано, он бы немедленно отвернулся, сбежал.

Шлиффен парализован не был, но сейчас чувствовал себя так, словно его намертво пригвоздили к месту. Он не мог заставить себя отвернуться. Он жадно разглядывал лицо Эрвина — каждую чёрточку, каждый изгиб, вглядывался в его глаза и замирал, опуская взор к бледным губам.

В голову лезла всякая чушь. Шлиффену почудилось, будто во рту у профессора остался сладкий привкус персикового джема — манящий, дурманящий аромат, который безумно хотелось распробовать лично.

Пип! — внезапно заверещал встроенный датчик на инвалидном кресле.

****[Запущен плановый замер температуры тела. Пожалуйста, ознакомьтесь с показаниями]****

Шлиффен вздрогнул, как от удара током, и наваждение с персиковым джемом мгновенно испарилось. Он поспешно выпрямился, отступил на шаг и, сорвав с пальца металлическую насадку, швырнул её в дезинфицирующий лоток, который всё ещё держал Оуэн.

— Тридцать семь и девять. Температура повышена. Рекомендуется провести повторное измерение.

— Не нужно ничего мерить, — Эрвин торопливо отключил голосовое оповещение. — Мне просто... жарковато. Немного перегрелся.

— Господин Герман, разрешите мне понизить температуру в помещении? Вы весь так покраснели... Ой, господин Шлиффен, а почему у вас лицо тоже такое красное?

— Запусти режим вентиляции и помолчи, пожалуйста, — оборвал его Эрвин.

— Но почему? Вы ведёте себя крайне странно, а забота о людях — мой первейший долг!

— Тогда я очень прошу тебя: закрой свой рот!..

Робот что-то обиженно заворчал себе под нос и укатился восвояси.

Когда за Оуэном закрылась дверь, повисшая в подвале тишина показалась ещё более неловкой, чем прежде.

— Кхм... — Эрвин слегка прокашлялся.

Этот тихий звук заставил Шлиффена вздрогнуть. Подумав, что профессор хочет что-то сказать, он тут же повернулся к нему.

Встретившись с ним глазами, Эрвин поспешил прервать затянувшуюся паузу первой попавшейся темой:

— Спасибо, действительно стало легче. А... где ты этому научился?

— Для Альф это базовые вещи. У нас ведь всё иначе: если Альфе вырвать зуб, на его месте вырастет новый. Поэтому, если начинает беспокоить зуб мудрости, его проще немного сточить. Правда, со временем он всё равно отрастает заново... В полевых условиях, когда под рукой нет нормальной аптечки, это единственный способ спастись от боли.

В воображении Эрвина тут же нарисовалась диковатая картина: толпа рослых, мускулистых Альф сосредоточенно обтачивает друг другу клыки посреди окопов.

— Я могу соорудить для тебя защитную каппу, с ней будет гораздо удобнее, — добавил Шлиффен. Чувствуя, что щёки всё ещё горят, он поспешил отвернуться к разложенным на верстаке чертежам и принялся усердно шуршать страницами.

— «Детская энциклопедия общих знаний: Раздел механики»? — Эрвин прищурился, стараясь разобрать название книги на обложке. — Рекомендовано для детей от двенадцати до шестнадцати лет? Ха-ха-ха!

— И вовсе не смешно! — надулся Шлиффен. — Там уйма полезных базовых схем! Думаешь, как бы я без неё собрал ту славную механическую кошку?

— Кошка действительно вышла прелестной... — Эрвин попытался сгладить углы, но природная честность взяла верх. — Вот только мяукала она как-то... специфически. Никогда бы не подумал, что кошачьи голоса могут звучать подобным образом.

— Так я её своим голосом озвучил.

«А что мне оставалось делать? — мысленно проворчал Шлиффен. — Доступа к глобальной сети ты мне не даёшь, а ловить настоящую кошку на этой мёртвой глыбе — затея заведомо провальная».

Тут уж Эрвин не выдержал. Забыв о недавней неловкости, он расхохотался так сильно, что едва не сполз с сиденья своего кресла.

— Кхм, кха-кха! — Смех внезапно перешёл в сухой, раздражающий горло кашель. На губах остался приторно-металлический привкус.

— Эй! — Шлиффен в мгновение ока оказался рядом и придержал его за плечи. — Что с тобой? Послушай, у тебя явно не просто зуб болит. Тебе по-настоящему плохо.

Эрвин побоялся сплёвывать кровь и с усилием сглотнул:

— Воды... Дай мне воды.

Усадив его поудобнее, Шлиффен бросился к кувшину и наполнил стакан:

— Не горячо? Осторожнее, пей медленно.

Сделав несколько глотков, Эрвин почувствовал, как тёплая влага смывает солоноватый привкус. Он взглянул на дрожащие пальцы Шлиффена. Вспомнил его недавний взгляд — робкий, бережный, словно перед ним было хрупкое сокровище.

— У тебя руки трясутся... — тихо произнёс он. — Наверное, из-за моей внешности ты принимаешь меня за какого-то невинного, хрупкого юношу. Но уверяю тебя, ко мне это определение не имеет никакого отношения.

Окружающие их пасторальные виды старой Англии, должно быть, окончательно лишили Шлиффена рассудка. Он готов был признать, что его сердце сейчас бьётся как безумное, но отступить не собирался:

— И почему же нет? Разве сто шестнадцать лет жизни накладывают запрет на такие слова? Разве старость делает чистоту чем-то постыдным?

— Ну, ваш маршал Йоханнес Зект, когда мы познакомились ближе, точно так не считал. За моей спиной тянется такой шлейф, от которого у любого нормального человека побегут мурашки по коже. Даже в Ассоциации академий большинство до сих пор считает меня безумцем или извращенцем.

Маршал Зект представлял интересы военных и лично курировал разработку армейских Прототипов. Но ни он, ни кто-либо другой так и не смогли взять в толк, ради чего ведущий учёный добровольно согласился превратить собственное тело в подопытный материал.

— В ходе первых испытаний у меня взяли образцы стволовых клеток спинного мозга. Всё прошло успешно. Когда проект дошёл до стадии Модели Ноль, мы уже умели воссоздавать полноценный человеческий организм. Тот Прототип был моей точной копией. Я собственными глазами наблюдал, как он дышит в питательной среде, как развивается и, наконец, появляется на свет через симулятор родов. А затем я сам возглавил операцию. Я слой за слоем вырезал из него живую плоть, органы, ткани — всё то, что не требовалось биочипу Прототипа, и заменял их холодным металлом. Это был мой первый абсолютный двойник. Кто-то тогда спросил меня: «Профессор, если это вы сами, то чувствовали ли вы его боль там, на операционном столе?»

— И... ты чувствовал? — негромко спросил Шлиффен.

Эрвин долго молчал. Наконец он командовал системе сменить изображение. Солнечные холмы викторианской Англии растаяли, уступив место серой, тусклой видеозаписи от первого лица:

— Это запись активности его коры головного мозга во время ампутации.

Шлиффен поднял глаза к куполу. На панорамном экране развернулась стерильная хирургическая палата. Видеоряд был странным: каждые несколько секунд кадры от лица оперируемого сменялись съёмкой со стороны — глазами самого хирурга.

— Этот хирург со скальпелем в руках — я, — Эрвин криво усмехнулся. — Признаться, я и сам не ожидал, что связь окажется настолько прочной. Я буквально чувствовал, как моё собственное лезвие кромсает мою же плоть. Это было настолько дико, что я решил зафиксировать импульсы его мозга и перевести их в визуальный формат.

— Вы... вырезали ему желудок и кишечник?

— Да. Для биологического терминала процессы пищеварения и выделения — лишняя обуза.

Кадры на экране становились всё более натуралистичными и пугающими. Эрвин украдкой перевёл взгляд на Шлиффена, пытаясь уловить малейшее изменение в его лице.

* «Как ты мог позволить им сотворить с собой такое?»* — в ужасе спросил тогда маршал Зект, впервые увидев эту запись.

Что Эрвин ответил? Сказал чистую правду:

* «Никто меня не заставлял. Это было моё личное решение. Я — ведущий разработчик проекта, кто в здравом уме посмел бы мне перечить?»*

Йоханнес тогда только за голову схватился:

* «Сам?! Ты сумасшедший! Эрвин Герман, ты чёртов псих!»*

«А что скажешь ты, Шлиффен?»

Но лейтенант молчал. Он лишь заворожённо смотрел на экран, где одна операция сменяла другую, являя новые, ещё более сложные этапы модификации.

— Модель Ноль была лишь отправной точкой, — продолжил Эрвин. — Вслед за ней мы создали десятки других терминалов. Мы доказали, что разумная жизнь не обязана сохранять человеческую форму. Вот это, к примеру, — аморфная желеобразная субстанция. Искусственный аналог простейшего ила.

— Невероятно, — прошептал Шлиффен, искренне восхищённый. — Значит... ты успел побыть не только человеком, но и болотной жижей? Теперь понятно, откуда в твоей голове столько гениальных идей! И каково это — чувствовать себя грязью?

— Знаешь, примерно так же, как сейчас, — Эрвин негромко рассмеялся. — Шевелиться чертовски тяжело.

— А у тебя отличное чувство юмора! — Шлиффен залился весёлым смехом.

— Мало кто способен понять мои теории. Моя лучшая ученица первой ополчилась против меня. Она утверждала, что я — это я, а мои творения — это отдельные существа. Что жизнь по своей сути преемственна, уникальна и неделима. И если моё сознание способно проникать в их разум, это ещё не значит, что мы стали единым целым.

— А сам ты как думаешь?

— Я с ней согласен, — тихо ответил Эрвин. — По крайней мере до тех пор, пока мы не переосмыслим само понятие бытия.

Шлиффен задумчиво кивнул. Он поднял глаза к светящемуся куполу, синева которого теперь напоминала бескрайние глубины океана, и попытался представить, каково это — быть каплей разумного ила в первобытных водах.

—... И всё же... Тебе не кажется, что я безумен?

— С чего бы? — искренне удивился Шлиффен. — У каждого свои взгляды на жизнь, да и мой собственный путь трудно назвать обычным. Но это не повод клеить ярлыки. Я вот, например, до сих пор считаю себя чертовски невинным и милым малым. Разве я не прав?

<http://bllate.org/book/18311/1756287>